

Когда Мэн Мэн и Сюй Лай только открывали этот ресторан, они сошлись как единомышленники.

У Сюй Лая были деньги, у Мэн Мэн — идеи, и они быстро нашли общий язык. Но теперь, когда ресторан разросся, Мэн Мэн оставалась такой же простой и непритязательной.

Она была не ослепительной красавицей, но в толпе её было легко заметить, разве что кожа была чуть смугловатой. Зато характер — золотой, и делала она всё аккуратно и обстоятельно.

Честно говоря, если бы не она, ресторан вряд ли бы продержался так долго.

— Ладно, наслаждайтесь, — сказала Мэн Мэн. — Я пойду, работы полно.

После того как она ушла, Янь Хэ снова пнул Сюй Лая под столом.

— Слушай, а она-то ничего. Тебе бы стоит остепениться, — сегодня Янь Хэ, неизвестно под влиянием какого ветра, вдруг вздумал повязать красную нить.

— Да брось ты, — фыркнул Сюй Лай, вставая, чтобы налить ему вина. — Ты сам ведёшь жизнь отшельника, а мне советы раздаёшь.

— У меня просто слишком большой выбор, — парировал Янь Хэ, принимая бокал.

Он сделал небольшой глоток, и жгучий вкус заставил его слегка поморщиться. Он тут же взял немного закуски, чтобы заглушить огонь в груди.

— Когда-нибудь дашь мне то, что тебе не нужно, — сказал Сюй Лай.

Янь Хэ понял, что тот намекает на Шэн Фэйжань, и не стал развивать тему.

К тому же Шэн Фэйжань теперь была не та, что раньше — ходячий символ университета, ему до неё было как до неба.

Да. Тот, кто мог с ней сравниться, вернулся. Какое теперь дело простым смертным до всего этого.

В душе Янь Хэ неожиданно поднялось чувство общности со всеми отвергнутыми и одинокими.

После нескольких тостов.

Янь Хэ вдруг словно о чём-то вспомнил и пристально, изучающе посмотрел на Сюй Лая.

— Поцелуй меня.

— Боже правый, — Сюй Лай тут же прикрыл грудь руками, изображая испуг, отчего остатки вина из бокала расплескались по его свитеру. — Что за извращённые наклонности? Ты что, в меня втюрился?

Янь Хэ, прищурившись, посмотрел на его ужимки, затем покачал головой. Он даже представить не мог, как это — чтобы Сюй Лай его поцеловал.

От одной мысли его самого потянуло ударить себя по голове, чтобы выбить эту дурь.

Он резко тряхнул головой и, подняв бокал, продолжил пить с Сюй Лаем.

Говорят, что пьянство развеивает печаль, но почему-то каждый раз, когда он напивался, тоска становилась только гуще.

Настолько густой, что даже воспоминания в его сердце не могли в ней раствориться, и тогда в его мысленном взоре всегда возникал Бэй Лу, сидящий в ореоле своего спокойного сияния.

Своими глубокими, печальными усталыми глазами он заставлял его трезветь.

Янь Хэ, я — Бэй Лу.

23 сентября 2009 года, день осеннего равноденствия, пасмурно.

То вдали, то рядом.

Делим осень пополам.

Половина — страсть.

Половина — меланхолия.

Бэй Лу уже почти полностью поправился, осталось через месяц сходить в больницу на контрольный осмотр, и, скорее всего, всё будет в порядке.

Шрам на груди потихоньку менял цвет, хотя невооружённым глазом это было ещё незаметно.

С первого же дня марта он вышел на работу в университет.

Март — первый месяц весны, когда всё живое начинает пробуждаться от зимней спячки и вновь обретает свои прежние желания.

Бэй Лу, в светло-сером пальто и чёрном шарфе, неспешно прогуливался по ещё прохладному весеннему кампусу.

Весеннее солнце всегда ленивее людей, вечно прячется за толстыми облаками.

Бледно-жёлтые лучи то приближались, то отдалялись, следуя за шагами Бэй Лу, вырисовывая его длинные, стройные ноги.

Попадались группы студентов в тренировочной форме, которые строем, с выправкой, чеканили шаг.

Военные учебные заведения и впрямь отличались от обычных, на лицах студентов горел энтузиазм юности.

На боковой дорожке, ведущей к учебному корпусу, лежал ковёр из прошлогодних опавших листьев, а весенний ветер печально скользил мимо, безуспешно пытаясь унести с собой всю эту унылую картину.

Бэй Лу снова замер на несколько мгновений у входа в факультет фундаментальной медицины.

Учебная нагрузка во втором семестре одиннадцатого класса становилась всё серьёзнее, и у Бэй Лу оставалось всё меньше времени на чтение не по программе.

Время, которое Янь Хэ мог позволить себе проспать на уроках, тоже сокращалось. И дело было

не в том, что его сознательность вдруг повысилась, а в том, что классный руководитель стал невыносимо строг.

На правой стороне классной доски было выведено: «До гаокао осталось...». Для Янь Хэ эти цифры не имели никакого значения, для Сюй Лая они и вовсе были невидимы.

Но для Бэй Лу они что-то значили. Он думал о том, что когда этот отсчёт на доске подойдёт к концу.

Будет ли Янь Хэ по-прежнему так же свободно и внезапно врывать в его мир? Будет ли его яркая, бурлящая энергия по-прежнему заглушать его собственное, тихое дыхание?

Как-то раз Янь Хэ спросил Бэй Лу, кем тот больше всего хочет стать в будущем. Бэй Лу размышлял над этим весь урок.

На перемене, уставившись в стопку тестовых листов, он сказал:

— Больше всего я восхищаюсь врачами. Но сам врачом стать не могу. Не выношу вида расставаний и смерти.

Бэй Лу произнёс это обыденным, ровным тоном, но его лицо омрачилось.

Янь Хэ, глядя на его грустный, отрешённый профиль, вспомнил, как однажды в дождливую ночь Бэй Лу говорил с ним точно таким же голосом:

— Когда мама умирала, это я закрыл ей глаза.

Тогда ночная тьма скрыла его лицо, но, наверное, выражение на нём было таким же, как и сейчас.

Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву магнолии за окном, отбрасывал на лицо Бэй Лу ещё более глубокие тени.

Янь Хэ с внезапной болью в сердце смотрел на того Бэй Лу, чьё прошлое прошло мимо него.

— Тогда я стану врачом, — твёрдо сказал он. — Стану тем, кем ты восхищаешься.

Рука Бэй Лу, выводившая что-то на листе, дрогнула. Он собирался написать своё имя, но по рассеянности вывел: «Янь Хэ».

— Дай мне твой лист, — сказал Бэй Лу, протягивая взамен свой уже заполненный.

То, что Бэй Лу принял за шутку, Янь Хэ воспринял со всей серьёзностью.

И с непоколебимой решимостью вступил на этот тернистый путь.

Бэй Лу простоял у входа в факультет фундаментальной медицины довольно долго, пока не прозвенел звонок на пару.

Только тогда он медленно направился в аудиторию.

Хотя Бэй Лу обычно был немногословен, но когда дело касалось темы, в которой он разбирался, он мог говорить долго и обстоятельно.

Университетские аудитории в основном были амфитеатрами, не то что школьные классы, где сидишь плечом к плечу.

Когда Бэй Лу вошёл в аудиторию, среди девушек в рядах пронёсся восхищённый шёпот. Весь его облик излучал утончённую меланхолию и холодноватую отстранённость. Его длинные ноги за два шага преодолели ступеньки, ведущие на кафедру. Высота подиума лишь подчеркнула его статную фигуру. Он снял шарф, обнажив длинную, изящную шею. Край чёрного свитера с полувысоким воротником слегка прикрывал кадык.

Когда он начинал говорить, кадык едва заметно двигался в такт его голосу.

— Здравствуйте, я — Бэй Лу.

С этими словами он взял мел и написал своё имя на тёмно-зелёной доске.

Его белая, с аккуратными суставами рука на фоне тёмного цвета выглядела особенно чистой и ухоженной.

Он был словно сошёл со страниц манги. Сяо Ми, сидевшая на последнем ряду, забыла про учебник. Она достала лист для эскизов и принялась быстро что-то набрасывать. Сегодня вечером она наконец-то сможет сдать работу. Она долго мучилась, не находя подходящего образа, и Бэй Лу стал её спасением.

Хотя она была студенткой Института политики, рисование было делом всей её жизни.

Но на занятиях пользоваться телефоном было нельзя, дисциплина была строгой: не только дежурные, но и камеры с обзором в 360 градусов. Поймают — сразу скриншот и выговор на всеобщее обозрение.

Иначе она бы уже давно сфотографировала его и выложила в момент, ведь преподаватели по общественным наукам у других обычно были с залысынами, а её — такой приятный для глаз.

Надо обязательно сфоткать на перемене, — пронеслось в голове у Сяо Ми.

Бэй Лу всегда был абсолютно невосприимчив к восхищённым взглядам девушек. Или, скорее, он чувствовал только взгляд одного человека — Янь Хэ.

Лаборант помог ему запустить презентацию, но в ней оказалось всего пять слайдов.

— На моих занятиях вы можете вести себя свободно, делать что хотите, не обращайтесь на меня особого внимания. Если что-то непонятно — переспрашивайте, сколько угодно раз.

Первая часть фразы была когда-то сказана Янь Хэ. Он говорил, что именно таким, по его представлениям, и должен быть преподаватель.

Бэй Лу спокойно стоял за кафедрой и говорил, хотя в задних рядах сидел дежурный преподаватель, и лицо его, кажется, постепенно темнело. Но Бэй Лу просто вёл свою лекцию.

Он рассказывал о развитии Китая, но не придерживался слепо учебника, которого у него, впрочем, и не было. Его подход был свеж и необычен. Каждый раз, когда он замечал в глазах студентов недоумение, он делал паузу и спрашивал:

— Что именно непонятно?

Его голос звучал неторопливо и обладал какой-то гипнотической притягательностью. Студенты слушали всю пару, не отвлекаясь. Даже дежурный преподаватель в конце концов увлёкся.

Единственной, кто не слушал, была Сяо Ми, которая всё это время пряталась в углу и рисовала.

На перемене Бэй Лу, который вёл лекцию без перерыва, почувствовал лёгкий дискомфорт в груди.

Он прошёл к окну в преподавательской зоне и присел на стул отдохнуть.

Закрыв глаза, он дал им отдохнуть.

Но до его ушей донеслись оживлённые разговоры студентов с первых рядов.

Они обсуждали, какая девушка в их группе самая симпатичная, у кого из соседок самый приятный голос... и тому подобное.

А мысли Бэй Лу унеслись к Янь Хэ и Шэн Фэйжань.

После разделения на профили в начале одиннадцатого класса.

Шэн Фэйжань перешла в гуманитарный класс, и теперь их разделял длинный школьный коридор.

Но она часто делала крюк, чтобы пройти мимо их класса.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16181/1451478>